

М. К. Лопачева

**Путь к «главному» Леониду Андрееву:
рецензия на монографию Е. С. Панковой «Творчество Леонида Андреева
и мировое художественное наследие (1892–1917)» (Орел, 2012)**

Mariya K. Lopacheva

**The path to the «main» Leonid Andreev:
review of the monograph «Creativity of Leonid Andreev and the world's
artistic heritage (1892–1917)» by Ekaterina S. Pankova (Orel, 2012)**

Панкова, Екатерина Степановна. Творчество Леонида Андреева и мировое художественное наследие (1892–1917): моногр. / Е. С. Панкова; М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Орлов. гос. ун-т». – Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. – 310 с. – Библиогр.: с. 306–309 (40 назв.). – 500 экз. – ISBN 978-5-9929-0192-4.

Шагнув во второе десятилетие XXI в., мы все еще чувствуем себя людьми рубежа веков, тем более что это и граница тысячелетий. Все еще несем в себе завершившееся XX столетие, в котором родились. Впрочем, это неудивительно. О подобных ощущениях сказано еще у А. Ахматовой, признававшей, что «не календарный – Настоящий Двадцатый век» для нее обрел свое лицо лишь в 1913 г. Ровно столет лет назад. Может быть, поэтому столь влекущими остаются художественные свидетельства противоречивых рубежных состояний сознания и сердца, оставленные нам Серебряным веком.

«Адову суматоху» (Горький) конца XIX и начала XX в. пытались передать многие художники, однако трагическое одиночество личности перед лицом надвигающейся катастрофы, «ужаса», стоявшего «при дверях» (А. Блок) поддавалось лишь избранным. Леонид Андреев был из их числа. Блок раньше других почувствовал в писателе подлинный трагизм и тот хаос, «который он в себе носил»¹. Масштаб художника открылся Блоку благодаря тому, что с андреевским хаосом «перекликнулся» его собственный. Именно поэтому в некрологе, посвященном Андрееву, поэт подводит своеобразный итог бесконечным спорам о творчестве и личности писателя. Публичному его образу он противопоставил «главного Леонида Андреева», скрытого от поверхностного взгляда. Того Андреева, который был «бесконечно одинок, не признан и всегда обращен лицом в провал черного окна»².

Неоднозначность восприятия личности и творчества Андреева, как известно, при жизни писателя порой граничила с парадоксальностью и даже абсурдностью. Известны примеры абсолютно полярных оценок, вынесенных весьма искушенными читателями одному и тому же произведению. Так в «Иуде Искариоте» Блок почувствовал «могущественное дуновение андреевского таланта»³, тогда как Л. Толстой увидел лишь «фальшь и отсутствие признака таланта»⁴.

Полемические сюжеты в связи с восприятием наследия Л. Андреева возникают до сих пор. С одной стороны, писатель занял прочное место в пантеоне классиков XX в. Идет работа над академическим собранием его сочинений, в подготовке которого принимают участие филологи ИМЛИ, ИРЛИ (Пушкинского Дома) и университета г. Лидса (Великобритания). Только что увидел свет очередной (пятый) том, в который вошли произведения писателя 1906–1907 гг., содержащие пронзительную религиозно-нравственную проблематику. Это «Елеазар» и «Иуда Искариот», «Тьма» и «Великан», а также пьесы «Савва», «Жизнь Человека» и другие тексты.

Вместе с тем в андрееведении все еще бытуют устойчивые мифы, из коих некоторые бросают тень на имя писателя. Разоблачению одного из таких мифов посвящена книга Е. С. Панковой «Творчество Леонида Андреева и мировое художественное наследие (1892–1917)», в минувшем году выпущенная издательством Орловского государственного университета. Автор монографии – достойный представитель орловской школы андрееведения, сформировавшейся в 1950-е гг. благодаря серьезнейшим изысканиям основателя ее Л. Н. Афонина. В традициях этой школы Екатерина Степановна Панкова с дотошностью архивиста и текстолога, но и со страстью полемиста доказывает безосновательность бытующего целое столетие представления о недостаточности культурного багажа писателя. Охотно поддержанное модернистской художественной средой, возникло оно, как ни парадоксально, «благодаря» Горькому – ближайшему соратнику и другу Андреева, на правах старшинства по возрасту и литературному опыту взявшему на себя роль наставника. В переписке и личных беседах «младшему брату» Горький давал советы, в каком направлении развивать писательский дар, наставлял, какие «хорошие книги – старые книги» надо читать. Удивительно, но, несмотря на

дружбу и одобрение творчества Андреева, Горький постоянно возвращался в своих воспоминаниях к утверждениям об узости его интеллектуального кругозора.

Этих заявлений, по мнению Е. С. Панковой, и сегодня нельзя оставлять без внимания в силу их явной безосновательности. Советы читать Шекспира и Сервантеса окончившему классическую гимназию и университету Андрееву, с учетом знаменитых «университетов» Горького, выглядят, действительно, странно. Но авторитет пролетарского писателя, отмечает автор книги, «на протяжении многих десятилетий оставался у нас непререкаемым, потому его критические высказывания в адрес Андреева воспринимались как непреложная истина. При этом как-то не замечалось, что Горький не раз сам себя опровергал. Так в <...> Предисловии к „Сашке Жегулеву“ Горький, объясняя свойственное Андрееву „влечение к необычному“, приводит следующий довод: „... в юности он много читал...“⁵. Заявляя о том, что запас андреевских знаний был странно беден, он в то же время приводил немало примеров осведомленности писателя о творчестве Боккаччо, Бернса, Флобера, Золя, Мопассана и других.

Тем удивительнее слышать отзвуки этой точки зрения в современных исследованиях биографии и творчества писателя⁶. Стремление к восстановлению исторической справедливости придало работе Е. С. Панковой цельность. Во введении точно определена основная задача монографии: показать, насколько был органичен для Андреева мировой культурный контекст. Последовательно, от главы к главе, автор исследования доказывает, что творчество Андреева «с самого начала развивалось на основе плодотворного освоения писателем мирового художественного наследия», что в его произведениях «органично преломляются» и творчески преобразуются «идейно-художественные открытия разных эпох»⁷.

В каждой главе речь идет о конкретных произведениях, в которых, по мысли автора монографии, наиболее интересно представлены интертекстуальные включения. В зоне исследовательского внимания – андреевские тексты разных жанров и разных периодов творчества, от самых ранних и малоизвестных, таких как «В холоде и золоте» (один из первых рассказов, написанных первокурсником юридического факультета Санкт-Петербургского университета), до известнейших. Чрезвычайно интересен, например, тонкий интертекстуальный анализ хрестоматийного рассказа «Баргамот и Гараська», одиозной пьесы «К звездам» и других. В соотнесении с широким культурным контекстом произведения обретают новую глубину.

Отдельная глава отведена рассмотрению мно-

гофункциональности «чужого текста» у Андреева. Наиболее показательны для писателя такие формы, как прямая цитата, аллюзия, реминисценция, парафраз. Внимательно изучены и прокомментированы Е. С. Панковой использованные Андреевым прецедентные тексты в форме фразеологизмов типа «панический страх» (рассказ «Защита») и перифраз (см., например, «гений и тишина несовместимы» в пьесе «Дни нашей жизни»).

Следует отметить научную корректность, доказательность суждений автора монографии. Заслуживает особого внимания то уважение, с каким говорится в работе об изысканиях предшественников, что не снижает полемика пафоса исследования. А высокая филологическая эрудиция автора не заслоняет научной новизны издания: впервые в андрееведении принято столь обстоятельное рассмотрение культурной оснащенности прозы и драматургии Леонида Андреева, включение его в обширный национальный и европейский контекст.

Внимательный, вдумчивый и чрезвычайно эрудированный читатель, прекрасно ориентирующийся в наследии Андреева, Е. С. Панкова скрупулезно и обстоятельно исследует интертекстуальные слои произведений Андреева, с добросовестностью историка соотнося их с конкретными фактами биографии писателя, указывая на различные «материальные» свидетельства его богатой эрудиции. Для автора принципиальна выверенность предположений о непосредственном знакомстве писателя с явлениями мировой культуры. Поэтому столь важны для Е. С. Панковой своеобразная реконструкция творческого процесса Л. Андреева – будь то представленные в его библиотеке издания или новый перевод Шиллера (с ним мог быть знаком писатель), или постановки шекспировских пьес в орловском театре, завсегдаем которого был художник в юности.

Е. С. Панкова отмечает, что у Андреева сложилась своя градация оценок русских писателей. На первое место, естественно, был поставлен А. С. Пушкин. Вслед за ним шел великий земляк И. С. Тургенев, а далее – Л. Толстой, И. Гончаров, М. Лермонтов, Г. Успенский. Наиболее прочная преемственная связь сохранялась у «бешеного орловца» с Тургеневым, чьи «плодотворные импульсы» были усвоены Андреевым с юности и нашли отражение в миропонимании, воззрении на человеческую личность, в выборе «художественных средств, приемов, живых структур»⁸. Результаты этого взаимодействия рассматриваются в специальной главе.

Особый интерес представляет в книге Е. С. Панковой анализ западноевропейского подтекста произведений Андреева. Счастливым

образом в авторе монографии соединяются андеевед и германист, что обеспечило полноту и детальность интертекстуального анализа в «шиллеровской» главе, в комментариях к статье Андеева о романе современного ему немецкого писателя Б. Келлермана («Туннель»).

Убедительна и основательна глава, в которой выявляется шекспировский «след» в произведениях Андеева. Особого внимания заслуживает исследовательский этюд о шекспировских шутах и мотиве шутства в прозе и драматургии Андеева.

Оценивая степень и формы освоения Л. Андеевым мировой культуры, автор следует различным методологическим принципам. Так изучение преемственной связи с творчеством Эдгара По приводит Е. С. Панкову к необходимости компаративного подхода. Глава «Исследование психологии убийства» содержит интереснейшие наблюдения и выводы, сделанные в результате сравнительного анализа рассказа Э. По «Сердце-обличитель» и андеевского рассказа «Мысль». Этот же подход использован при рассмотрении темы детства: сопоставление рассказов Андеева («Цветок под ногою») и Дж. Кэри («Повзрослели»).

Одна из наиболее основательных глав книги отведена байроновской традиции в творчестве Леонида Андеева. Этот раздел монографии отмечен не только ярким и оригинальным взглядом на роман Андеева «Сашка Жегулев», но и острой полемичностью. По мнению автора, следует восстановить историческую справедливость: «Исследователи проблемы русской рецепции Байрона в конце XIX – начале XX в., когда жил и творил Л. Н. Андеев, его имени не называют среди писателей, отзывающихся на байронические идеи <...>. Умолчание выглядит несправедливым в отношении Леонида Андеева и обедняет реальную картину творческого освоения байроновских традиций»⁹. Думается, обедняет сложившаяся ситуация и предствление об андеевском творчестве, лишая нас одного из параметров, указывающих на его содержательную глубину и многоплановость. В работе Е. С. Панковой эта лакуна восполняется. Развернутый анализ байроновских мотивов в романе «Сашка Жегулев», предложенный автором в главе «Сквозь призму „Еврейских мелодий“ Байрона», несомненно, помогает уяснить как художественную концепцию данного произведения Андеева, так и некоторые особенности его метода в целом.

Отдельный исследовательский сюжет книги посвящен рассмотрению музыкального фона в текстах Андеева, который, пишет Е. С. Панкова, «способствует созданию в произведении возвышенной, праздничной атмосферы». Благодаря тому, что зачастую писатель «черпал нужный

ему материал из арсенала музыкально-песенной культуры», его тексты «обретали объемность, содержательную глубину, неповторимую яркость»¹⁰.

Добросовестно выявляя «контакты» Л. Андеева с мировой культурой, будь то литература, музыка, философия или живопись, автор книги, несмотря на подвижническую увлеченность проблемой, не переступает границы, за которой самобытный художник становился бы всего лишь прилежным учеником, а то и эпигоном, растворившимся в «чужом». Напротив, исследователю удается «включать» у читателя объемное видение текста благодаря неожиданным ассоциациям, сопоставлениям с фактами культуры, резонирующими авторским звучаниям. Проведенное же изыскание дает достаточно оснований к опровержению взгляда на Л. Андеева как на автора с ограниченным интеллектуально-культурным кругозором. Е. С. Панкова убедительно доказывает, что «... творческое наследие писателя насыщено аллюзиями, реминисценциями, цитатами из необозримого богатства мировой художественной культуры». А это, безусловно, с очевидностью свидетельствует о том, что «Леонид Андеев уверенно ориентировался в мировом художественном наследии и его лучшими образцами обогащал собственное творчество»¹¹.

Следует отметить и такое качество работы Е. С. Панковой, как ее просветительский пафос. Наряду с ученым, в авторе угадывается вузовский преподаватель. Как отмечает сама Е. С. Панкова, книга адресована широкому кругу читателей, и потому автор стремился в ней к ясности и стройности изложения. Вместе с тем оснащенность монографии обилием фактов, многочисленные тонкие литературоведческие и текстологические наблюдения делают ее весомым вкладом в работу по подготовке реального комментария для «Полного собрания сочинений» Леонида Андеева.

Примечания

¹ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 131.

² Там же. С. 135.

³ Там же. Т. 5. С. 107.

⁴ Цит. по: Андеев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. М., 1990. Т. 2. С. 531.

⁵ Панкова Е. С. Творчество Леонида Андеева и мировое художественное наследие (1892 – 1917). Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ». С. 6.

⁶ Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: общ. закономерности; проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 379.

⁷ Панкова Е. С. Указ. соч. С. 303.

⁸ Там же. С. 42.

⁹ Там же. С. 257.

¹⁰ Там же. С. 303.

¹¹ Там же. С. 305.